

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-2-70-88

УДК 93/94

А.В. ЛубковМосковский педагогический государственный университет,
119435, г. Москва, Российская Федерация

Проблемы российского национального самосознания в реалиях советского времени

Актуальность проблемы национального самосознания не теряет своей значимости в современности, но приобретают особую важность в связи с этнокультурными, общественно-политическими и экономическими, идентификационными процессами, которые происходят в обществе и мире. Поэтому осмысление опыта советской истории в контексте развития русской идеи в XX в. и ее воплощения в реалиях советского времени представляется необходимым шагом в реализации модернизационных стратегий. Автор обращается к творчеству масштабных фигур XX в., как политических, так и представителей культуры, размышлявших о судьбе России и ее будущем. Выявляя разнонаправленные потоки в ценностно-смысловом пространстве XX в., автор обнаруживает преемственность и непрерывность развития культурной традиции, направляющей к постижению внутреннего пространства личности как потенциала для движения и прорыва вперед.

Ключевые слова: личность, русская идея, СССР, модель культуры и общества, ценности, европоцентризм, нигилизм, советская идентичность, российская идентичность, социализм, Интернационал, советский кинематограф, русская литература

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лубков А.В. Проблемы российского национального самосознания в реалиях советского времени // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 2. С. 70–88. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-2-70-88

© Лубков А.В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

A.V. Lubkov

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

Problems of Russian national self-consciousness in the realities of Soviet times

The relevance of the problem of national self-consciousness does not lose its significance in modernity, but acquire special importance in connection with ethno-cultural, socio-political and economic, identification processes that are taking place in society and the world. Therefore, comprehension of the experience of Soviet history in the context of the development of the Russian idea in the twentieth century and its embodiment in the realities of Soviet times seems to be a necessary step in the implementation of modernization strategies. The author turns to the work of major figures of the twentieth century, both political and cultural, who reflected on the fate of Russia and its future. By identifying multidirectional flows in the value and meaning space of the twentieth century, the author reveals the continuity of the development of cultural tradition, directing to the comprehension of the inner space of the individual as a potential for movement and breakthrough forward.

Key words: personality, Russian idea, USSR, model of culture and society, values, eurocentrism, nihilism, identity, socialism, International, Soviet cinema, Russian literature

FOR CITATION: Lubkov A.V. Problems of Russian national self-consciousness in the realities of Soviet times. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 2. Pp. 70–88. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-2-70-88

В ценностно-смысловом пространстве XX в. на фоне исторических событий разлома укорененной государственности и общежития российского народа обнажилось жесткое противостояние разнонаправленных потоков культурной традиции, облаченных в покровы нигилизма,

европоцентризма или поиска утраченной идентичности и смысла духовного бытия. Каждый поток по-своему определял векторы национально-го самосознания.

В первые годы становления новой политической власти в России во всех сферах жизни общества обозначилась резко выраженная нигилистическая тенденция по отношению к предшествующей эпохе. Дореволюционная русская история с ее героями, интерпретированная с позиций классового подхода к историческому процессу и превалирующего экономического фактора, определявшего смену одной общественно-экономической формации другой, была подвергнута острой критике. Не исключением стало и культурное наследие. Русская история как контрреволюционный элемент исчезла из школьных учебников и школьной жизни, а на поприще исторической науки развернулась борьба за умы и души людей, за определенные представления о революционном движении и его результатах [11, с. 26].

Внедрение нигилистической позиции, очерняющей прошлое страны, связывается с именем замнаркома просвещения РСФСР с 1918 по 1932 г. М.Н. Покровского и его приверженцев, которые позже, в середине 1930-х гг., одними из первых выступили с развенчанием «ошибок и перекосов» догматически прочитанного марксизма, что выражалось в схематизме, абстрактном социологизме и антиисторизме. М.Н. Покровский был в свою очередь учеником В.О. Ключевского и П.Г. Виноградова, преподававших одновременно на историко-филологическом факультете Московского университета и Московских высших женских курсов, знаменовавших собою новую страницу в истории университетского и педагогического образования.

Преодолению дискретного подхода к восприятию и изучению отечественной истории во многом способствовала линия, проводимая под руководством И.В. Сталина, в результате которой к середине 1930-х гг. наметился поворот от антипатриотизма и национального нигилизма к уважению и сохранению своего культурно-исторического прошлого. История «возвращается» в школы и вузы, а историческая наука погружается стараниями как дореволюционной академической профессуры, так и историков-марксистов в изучение стратегически важных процессов и явлений. Таковыми становятся, прежде всего, актуальные проблемы революционного движения и сюжеты, связанные с социально-экономическим развитием России в конце XIX – начале XX вв.

Историками-аграрниками создается корпус глубоких исследований, пик которых пришелся на 1960–1980-е гг., по проблемам крестьянского и помещичьего землевладения, землепользования, развития сельского хозяйства и промышленности, финансового капитала, вопросам

сложных отношений в российской деревне. Разворачиваются дискуссии вокруг предпосылок и причин революций в России, которые обращают к диалогу о путях развития капитализма в деревне, Столыпинской аграрной реформе, проблемам крепостнических пережитков в сельском хозяйстве и т.д. Конечно, методологической опорой всех исследований выступает марксистская платформа, которая подводила развитие всемирной истории к общему знаменателю и эталону – западноевропейскому опыту как некоему всеобщему закону развития человечества. В случае несоответствия ему применялся концепт отсталости, определяющий то или иное государство-цивилизацию во второй или третий эшелон развития в силу специфики его развития. Причем игнорировались конкретно-исторические условия, в которых происходило становление и развитие цивилизации. Пренебрежение ими накладывало соответствующий отпечаток на оценку и интерпретацию исторического развития государства-цивилизации. Особым краеугольным камнем становились процессы модернизации, выявляющие специфику прохождения известных этапов развития формационной «пятичленки». Например, в России проблемы модернизации кардинально решались молодым советским государством, т.е. в совершенно иные исторические сроки и на другой социально-экономической базе, чем в Западной Европе.

Таким образом, исследователи становились «заложниками» концепции европоцентризма. Свое обоснование в 1930-е гг. она получила в виде концепции догоняющего развития или теории «гусиного клина» японского экономиста Канамаэ Акамацу, в 1950-е гг., озаменованные распадом колониальных империй, – в качестве концепции модернизации в трудах У. Ростоу, П. Бауэра, К. Кларка, А. Льюиса, Я. Тинбергена, Ш. Эйзенштадта и др. Культ модернизации утверждался на фундаменте индивидуализма и отказа от традиционных установок, рационализации сознания и превалирования ценностей общества модерна.

Потенциал догоняющего развития всегда основывается на заимствовании и копировании, а не на инновациях и научно-техническом прогрессе [9], с этим трудно не согласиться. Однако сталинская «догоняющая» модернизация под знаменем марксизма, одной из многих социальных теорий, выросших на западноевропейской почве, сумела сохранить самобытное лицо российской цивилизации. Взращиваемые испокон веков на российской почве ценности не канули в небытие общества модерна. «Вглядимся в черты советского человека» вслед за мыслителем Г.П. Федотовым. Что мы увидим? Физическую и духовную крепость, цельность и простоту, уважение к опыту и знаниям, преданность власти, трудолюбивость такую, что «он готов заморить себя за работой, и его высшее честолюбие – отдать свою жизнь за коллектив:

партию или родину, смотря по временам»¹. Не узнаем ли мы, спрашиваяет Г.П. Федотов, служилого человека XVI в.? Конечно, узнаем.

Правы те исследователи, которые утверждают, что советское общество смогло сохранить ту нравственную модель культуры и общества, которая была предложена предшествующим цивилизационным развитием. Был сохранен Человек, создавший тот самый моральный кодекс строителя коммунизма, который закрепил нравственные принципы и ценности христианской цивилизации в исторически прогрессивном развитии [1, с. 175]. И вновь острые проблемы вонзается в вопрос ценностно-смысловой специфики России.

Воплощенная в советских исторических условиях идея построения социализма в отдельной взятой стране продемонстрировала совершенно иную модель развития на мировой арене. Сошлемся на характеристику С.Л. Франка. Философ писал: «В самой России Ленин, сочетав Маркса с Бакуниным, в лице большевизма создал особый вид антиевропейского марксизма: противопоставление правды “пролетарской” России злу и разложению “буржуазной” Европы есть возрождение, с совсем иным содержанием, старого националистического отталкивания от Запада. Эта установка достигла, как известно, апогея вульгарности и недобросовестной тенденциозности в современном советском национализме»².

Выдержав испытания Гражданской войной, а позже Великой Отечественной войной, модель социалистического устройства общества окрепла. Она вызывала сочувствие во многих странах Европы, включая события в Баварии в 1918–1919 гг., просоветские восстания в Болгарии в 1918 г., Эстонии в 1924 г., в Словакии в 1919 г. и 1944 г., в Италии в 1919–1920 гг., в Испании в начале и середине 1930-х гг., в Китае, где события после 1918 г. завершились созданием в 1949 г. Китайской Народной Республики. Опираясь на опыт советской республики, Китай создал свой путь современного развития, соединив традиции китайской культуры с задачами социалистической модернизации.

Победившая в разгроме нацизма социалистическая идея одержала верх над конкурировавшими с ней политическими силами, распространив свой авторитет далеко за пределы России: в Китае, Северной Корее, Вьетнаме, на Кубе и африканском континенте. Она стала не только популярной и привлекательной, но обладала большими мобилизационными и интеграционными резервами. В Европе появился т.н. соцлагерь или страны Варшавского договора, представлявший возможности для

¹ Федотов Г.П. Россия и свобода // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. М., 2005. С. 434–435.

² Франк С.Л. Русское мировоззрение / вступ. ст. А.А. Ермичева. СПб., 1996. С. 278.

большой экономической интеграции. Однако потенциал уникального опережающего проекта, устроенного на ценностях социального равенства и справедливости, исключающих «эксплуатацию человека человеком» и «профессионального управления человека человеком», не был реализован, что, конечно, является темой многих дискуссий. Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что в результате небывалого по своему размаху и значению социального эксперимента на мировой арене появилась сверхдержава, победившая в Великой Отечественной войне, а спустя некоторое время первой запустившая человека в космос. Советский Союз направлял колоссальные ресурсы на восстановление экономики дружественных стран, в т.ч. научно-технические, в первую очередь высококвалифицированных специалистов-инженеров, «производство» которых создавало серьезные опасения на Западе.

Неоднозначно можно говорить и о главных фигурах, вершивших судьбы страны. Фигуры Ленина и Сталина остаются одними из самых полемичных фигур минувшего столетия. Масштаб этих деятелей – действительно, масштаб очень крупных исторических личностей. Что касается Ленина, то, безусловно, это был человек, который ассоциируется с возрождением русской, российской, советской империи. Ленин опирался на имперское наследие и предшествующий опыт. Например, накануне Первой мировой войны Россия по уровню развития сельского хозяйства и рыночных отношений, наблюдаемых, прежде всего, в кооперативном строительстве, выходила на одно из первых мест в мире, если не на первое. Россия являлась конкурентоспособной страной, вывозившей зерно, масло, лен и т.д. Народная самодеятельность, умело поддержанная государством на местах, сумела дать мощный прорыв и подъем агрокультуры. Создание ячеек кооперации и земства на уровне уездов, волостей, включая село, означало укрепление горизонтально-сетевых связей. Многие из предприятий, созданных российскими кооператорами совместно с земцами, а в реалиях зачастую это были одни и те же лица, просуществовали вплоть до нашего времени, включая больницы и сельскохозяйственную инфраструктуру.

Даже в области государственного строительства новая власть использовала старых специалистов, научно-техническую интеллигенцию, хозяйственников, кооператоров, военные кадры. При всем национальном нигилизме и радикальном атеизме большевиков Ленин в 1920 г. выступал за преемственность с дореволюционной культурой, говорил о важности опираться на ее общедемократические ценности, отвергал, по крайней мере на словах, наиболее одиозные проекты Пролеткульта. Речь идет о приятии или отвержении культуры русской государственности, преемственности вековых культурных цепочек. Приведем

слова известного литературоведа, пушкиниста В.С. Непомнящего, что «роковой ошибкой большевиков было то, что они не стерли с лица земли русскую классику и позволили ей спасти культуру XX века и тем самым спасти Россию»³.

Уже после Гражданской войны Ленин выдвинул идею кооперативного социализма, что выражало готовность опереться на опыт кооперативного и земского движения, по сути, зачатки гражданского строя. А.И. Солженицын был совершенно прав, когда писал в своей публицистике начала 1990-х гг., что нужно возрождать земство⁴. Однако тогда еще существовала живая инициатива снизу. Сейчас ее практически не осталось. Разработанная ближайшими соратниками Ленина программа ГОЭРЛО и первый пятилетний план заложили основу индустриального рывка, сделанного в ходе форсированной модернизации. План строительства мощной электроэнергетической системы также своей исходной точкой имел опыт дореволюционных разработок, прежде всего программы социально-экономического развития, предложенной Г.М. Кржижановским в 1915–1916 гг. Большевики продолжили курс на усиление государственного регулирования народного хозяйства, который наметился еще в годы Первой мировой войны, политику экономической мобилизации с целью рационального распределения имеющихся ресурсов.

Нельзя не согласиться с Н.А. Бердяевым, отмечавшим, что Ленин был государственным человеком, продолжателем традиции российской государственности, приверженцем национального своеобразного строительства. Он сумел остановить хаос и распад России, но остановил деспотическим, тираническим путем, и в этом Бердяев указывал на его схожесть с Петром Великим⁵.

Смысл и величие Ленина и в целом Октября 1917 г. – это воплощение в конкретных исторических условиях идеи социальной справедливости, равенства и мощного социального партнерства, которая по-иному осмысливалась, чем на Западе. Идея III Интернационала, по сути, является своего рода метаморфозой идеи «Москва – третий Рим». Схожесть идеи первым заметил также Н.А. Бердяев, который по словам Ф.А. Степуна, в свойственной ему манере бросил мимоходом эту мысль⁶. Бердяев увидел в большевизме преемственность идеи великодержавности.

³ Цит. по: Распутин В.Г. Видимое и невидимое (Два слова в пользу надежды) // Наш современник. 2000. № 2. С. 185.

⁴ Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию: Посильные соображения / послесл. Э. Сафонова. М., 1991.

⁵ Бердяев Н.А. Истоки русского коммунизма // Русская идея. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 2020. С. 423-424.

⁶ Степун Ф.А. Москва – третий Рим // Новый журнал. Нью-Йорк, 1960. Кн. 60. С. 248.

Заслуживают внимания его рассуждения о том, что если идея «Москва – третий Рим» имела духовно-религиозные основания, то коммунистическая идея со своей символикой была своего рода обратной теократией, требовавшей еще большего согласия с ней⁷.

В марте 1919 г. появился III Интернационал, поставивший целью осуществление социальной правды. Ценности социальной справедливости и социального равенства настолько укоренились в российском сознании, что легко и крепко всходили на российской почве в новых советских реалиях. Как писал Н.А. Бердяев, «на Западе очень плохо понимают, что Третий Интернационал есть не Интернационал, а русская национальная идея. Это есть трансформация русского мессианизма»⁸. Однако осуществление столь близкой душе русского человека идеи социальной справедливости стало очень драматичной страницей в истории развития российской цивилизации. Поэтому Ф.А. Степун предпочитал «определение большевизма как грехопадения русской национально-религиозной идеи; но дело, конечно, не в терминологии, а в осознании нашей революции как религиозной трагедии»⁹.

Возможность поступательного движения к историческому прогрессу означала на русской почве прорыв в некую другую цивилизацию, где самоограничение, а не нажива и потребление, должно обуславливать дальнейшее развитие. И в этом смысле корни подобного цивилизационного общежития просматриваются в пространстве русской культуры, включая, например, полемику иосифлян и нестяжателей. Значение невиданного по своим масштабам социального эксперимента XX в. как многомерного исторического явления истории России еще предстоит уяснить. Действительно, большевики, много сделавшие для разрушения исторической России, исповедовавшие отказ от национальных интересов в угоду интересам мировой революции, фанатично боровшиеся за построение коммунистической утопии, в конце концов, оказались вынуждены де-факто отказаться от нигилистической траектории.

Большевики стали наследниками русского имперского проекта, и та эволюция, которую они продемонстрировали, лишний раз подтверждает непрерывность отечественной истории. Создание нового государства, реализация модернизационного проекта, незавершенного в рамках старой государственности, в т.ч. и по их вине, возвращение к пониманию значимости патриотизма, – в этом состоит выдающаяся всемирно-историческая заслуга большевиков.

⁷ Бердяев Н.А. Истоки русского коммунизма // Русская идея. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 2020. С. 429, 455.

⁸ Там же. С. 456–457.

⁹ Степун Ф.А. Москва – третий Рим // Новый журнал. Нью-Йорк, 1960. Кн. 60. С. 244.

В СССР в 1920–1930-е гг. о русской идее публично никто не высказывался. В обществе насаждались иные идеи и ценности, хотя сама советская история в той или иной степени стала объективным воплощением существования и дальнейшего развития русской идеи. Только сумев возродить патриотизм, державность и боевой дух, советские руководители, и прежде всего, И.В. Сталин, смогли опереться на лучшие качества русских и других народов страны в период тяжелейших испытаний [6, с. 30].

Русское зарубежье стало восприимчивым к лучшим традициям старой России и ее религиозно-философской мысли. Этот вектор национального самосознания был представлен поиском утраченной идентичности и смысла духовного бытия, обращаясь к философским проблемам бытия личности, поднятых в XIX в. Н.М. Карамзиным, А.С. Пушкиным, Н.В. Гоголем, М.Ю. Лермонтовым, Ф.М. Достоевским, Н.С. Лесковым, К.Д. Ушинским, А.С. Хомяковым, братьями Аксаковыми, В.С. Соловьевым, Н.Я. Данилевским, М.Н. Катковым и др. Экзистенциальные основы человеческого существования и феноменология человека краеугольным камнем встали в наследии выдающихся представителей т.н. «Философского парохода», эмигрировавших за границу после революции 1917 г. Например, в творчестве Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, Г.П. Федотова, Ф.А. Степуна, Л.П. Карсавина, С.Л. Франка, С.Н. Булгакова, Н.О. Лосского, Н.С. Трубецкого, Г.В. Флоровского, В.В. Зеньковского, Б.П. Вышеславцева и др.

Отщепенчество не является родовой чертой духовного самосознания русской элиты, потому что лучшие ее представители пытались осмыслить феномен такого противопоставления и в своем творчестве, и в своей деятельности, пытались все-таки соединить, а не разделить эти стороны, конечно, зачастую, им это не удавалось. В интервью польским журналистам 26 марта 1985 г. в Стокгольме режиссер А.А. Тарковский, как-то заметил: «Русские никогда не умели быть эмигрантами!» [цит. по: 5, с. 298]. И это действительно так. В начале 1920-х гг. в среде русских эмигрантов начинает идейно оформляться как социально-философское и политическое движение евразийство. Его основы разработаны в трудах кн. Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, П.П. Сувчинского, Г.В. Флоровского, П.М. Бицилли и др. К евразийцам примкнули многие видные ученые: Н.Н. Алексеев, Л.П. Карсавин, Г.В. Вернадский, Д.П. Святополк-Мирский и др. Сотрудничал с евразийцами С.Л. Франк.

Взгляды евразийцев на Россию утверждают евразийскую идентичность как духовную основу единства российского государства. Отрицая существование славянского культурно-исторического типа, евразийцы

отстаивали идею общности культур «туранских народов» (финно-угры, турки) и русского народа, их общей исторической судьбы, близости этнопсихологических типов, мировоззрения, языка. Всемирно-исторический процесс не рассматривался в качестве однолинейного и однонаправленного процесса, возглавляемого романо-германской цивилизацией. Россия выступает самостоятельным культурным субъектом, синтезирующим достижения обоих центров мировых цивилизаций Востока и Запада. Россия формируется не как национальное государство, а как Евразия, особый и уникальный мир, который становится своего рода антитезой Запада в противостоянии его гегемонии в содружестве с азиатскими народами. Одним из основных положений евразийской концепции является утверждение естественности исторической обусловленности границ России-Евразии. Евразийский культурный тип впервые стал единым целым, по мнению евразийцев, в период империи Чингисхана, а Россия является наследницей Монгольской монархии.

В конце 1920-х гг. наблюдается раскол на левых и правых евразийцев, в 1923 г. порвал с движением Г.В. Флоровский. С.Л. Франк называл евразийство «эфемерной вспышкой радикальной и духовно узкой формы старого “славянофильства”»¹⁰, Ф.А. Степун считал евразийцев «славянофилами эпохи футуризма»¹¹. Новая волна интереса к евразийству возникает в 1980-е гг. в связи с творчеством Л. Гумилева и его пассионарной теорией этногенеза. Детализированный проект Союза Советских Республик Европы и Азии Европейско-Азиатского Союза перед распадом СССР был предложен А.Д. Сахаровым.

На чужой земле русские мыслители возрождали в своем творчестве те нити и связи, которые воссоединяли времена в духовном пространстве человеческой личности. А с другой стороны, вопреки обстоятельствам, навязывавшим чуждый стиль жизни, они сохраняли в себе те цивилизационные качества, которые отличали русского человека. «На Западе равнодушны к моральным и идейным различиям людей в советском обществе. Их здесь просто не замечают. <...> Западные люди не видели того, что подавляющее большинство советских людей, которые здесь (на Западе. – А.Л.) изображали из себя жертв режима и представителей демократических устремлений, были на самом деле самыми обычными советскими карьеристами, хапугами, холюями, чиновниками, лжецами и приспособленцами. <...> Условия жизни на Западе исключают возможность такого жизненного эксперимента, какой проделал я, делают

¹⁰ Франк С.Л. Русское мировоззрение / вступ. ст. А.А. Ермичева. СПб., 1996. С. 278.

¹¹ Степун Ф.А. Об общественно-политических путях «Пути» // Современные записки. 1926. № 29. С. 445.

такой эксперимент бессмысленным»¹², – писал в 1988 г. философ А.А. Зиновьев, находясь в эмиграции. Эксперимент касался строительства своего внутреннего «я» как личности, духовные качества которой благодатно вырабатывались в пространстве русской культуры на родной почве, отличной от западной, где мерилось все «на свой аршин».

«Я сослан в XX век», – так назывался сборник художественной прозы А.Ф. Лосева, но эти слова в расширенном контексте можно отнести и к тем единомышленникам мыслителя, которых заботила в наступившем XX столетии проблема самопознания человека, проблема воссоединения его с Богом, проблема идентичности личности. В их числе были П.А. Флоренский, М.М. Бахтин и др. Преемственную линию метафизических размышлений о смысле жизни, роли и ответственности личности перед собой, обществом, перед историей, перед Богом продолжила целая плеяда уникальных писателей, режиссеров, композиторов, художников, актеров, подчас сочетающих все эти качества в одном лице. Назовем лишь некоторые имена, в числе которых М.А. Шолохов и В.М. Шукшин, отец и сын Тарковские, В.Г. Распутин и В.И. Белов, С.Ф. Бондарчук и Г.В. Свиридов, С.С. Прокофьев и Д.Д. Шостакович, А.А. Зиновьев и Э.В. Ильенков и многие другие. Их творческие траектории пересекались в едином культурно-историческом пространстве. Они влияли друг на друга с разных художественных орбит, но совместное притяжение тяготело к единому центру – личности. Только персонализм прочитывался иначе, чем в западной традиции. Вместо эгоцентричного человека, вокруг которого вращается вселенная, в русской традиции продолжал утверждаться идеал человека на фундаменте духовного самопознания и его пути к Богу, Творцу вселенной. Человек – это образ и подобие Божие, существует некий нравственный идеал и абсолют, с которым он должен соотносить свои действия. В этом вечном измерении личности в пространстве культуры в новом XX в. снова встретились на одной почве ее великие творцы.

В интервью немецкому изданию «Форум» весной 1985 г. режиссер А.А. Тарковский говорил: «Меня интересовали общие проблемы человека, его существование, многие, даже какие-то философские аспекты»¹³. Проблема смысла человеческой жизни обращала к анализу исторической жизни народа, его духовного состояния, возвращала человека к самому себе. Через индивидуальную память, ее различные пласты и образы, например, через образы матери, детства, дома, человек

¹² Зиновьев А.А. В изгнании // Наш современник. 2000. № 2. С. 247.

¹³ Тарковский А.А. «Я никогда не стремился быть актуальным» // Медиа-архив «Андрей Тарковский». URL: <http://tarkovskiy.su/texty/Tarkovskiy/Forum.html> (дата обращения: 12.03.2024).

имел возможность обрести внутреннюю свободу. В этом смысле прослеживается тождественная линия с творчеством Ф.М. Достоевского или Л.П. Карсавина. По Достоевскому, вынесенные из родительского дома драгоценные воспоминания спасают человека¹⁴. По Карсавину, воспоминание «воскрешает», воссоединяет человека с самим собою, он обретает единство с собой¹⁵. Но гармония утрачивается, если мир основан на «слезе ребенка», утверждает Ф.М. Достоевский, и вслед за ним А.А. Тарковский, направляющий своего зрителя к пониманию человека как абсолютной ценности и смысла бытия, уже с первого своего полнометражного фильма «Иваново детство» (1962) и до своей последней работы «Жертвоприношение» (1986), где неуклонно повторяется лейтмотив фильма «Андрей Рублев» (1966–1971) о возвращении человека к своей сущности через путь к Богу.

В «Зеркале» (1974), считающемся самым исповедальным фильмом режиссера, раскрывается внутренний мир человека от детства к зрелости и, наоборот, в обратную перспективу – через воспоминания и осмысление жизни в преддверии ухода из нее. В те годы реализация подобного подхода к идее кино как «запечатленному времени» была абсолютным новшеством. Обращение к когнитивным вопросам человеческого бытия с трудом встречало понимание, поскольку проект создания нового советского человека, советской идентичности исключал необходимость и возможность обращения к внутреннему миру.

Через воплощение на экране образов памяти в пределах личных биографий героев фильма А.А. Тарковский возвращает советскому человеку переломной, на излете советской истории, эпохи 1960–1980-х гг. надежду и веру в возможность духовного, а, вслед за ним, и политического возрождения, которое немислимо в отрыве от своего конкретно-исторического прошлого. Общество и человеческая личность, во многом лишённые стимулов саморазвития и жестко контролируемые властью, побуждались к самопознанию и аксиологическому измерению времени и пространства. Без возвращения к историческим традициям дальнейшей путь модернизации страны не представляется возможным, поскольку родная почва под ногами и духовная опора внутри себя являются тем фундаментом, на котором строится и устремляется ввысь будущее человечества. Иначе будет катастрофа, как это произошло со многими дирижаблями, к образу которых обращаются создатели кинокартины [10, с. 280].

¹⁴ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы: В 2 т. Т. 1. Можайск, 1995.

¹⁵ Карсавин Л.П. О личности // Карсавин Л.П. Религиозно-философские сочинения. Т. 1. М., 1992.

Герменевтическое истолкование жизни и культуры, которое можно было встретить в начале XX в. в трудах отечественных мыслителей (Г.Г. Шпета, затем А.Ф. Лосева, В.Л. Махлина), на языке фильмов А.А. Тарковского призывало вдумчиво интерпретировать и оценивать свою историю, многогранную и нелинейную. И, хотя в силу той специфической роли, которая принадлежала в советскую эпоху идеологии, казалось, не было возможности для свободного творчества в этом, по словам Ленина, важнейшем виде искусств¹⁶, но именно в кино вечные русские вопросы находили новое звучание и свои ответы, адекватные эпохе и самому человеку.

Советский кинематограф, как и советский период русской истории в целом, может и дан нам для того, чтобы мы могли осмыслить подлинное значение человеческой личности. Через сталинскую модернизацию и строительство мощной державы, жертвы и победу в самой страшной мировой войне, репрессии и террор к нам шло осознание главного героя отечественной истории – простого русского/советского человека: крестьянина, солдата, эка, рабочего, инженера, врача, учителя, – человека, способного противостоять внешним обстоятельствам и через все испытания утвердить выстраданную им правду, свое представление об истине. Образы таких людей мы обретали вновь и вновь не только на книжных страницах, но и на экранах художественных фильмов. Советский кинематограф в лучших своих образцах утверждал многомерность и нелинейность измерения человека, более сложного, чем одна-единственная «верная» его концепция или характеристика.

Судьбы простых людей не то чтобы не волновали ученых-марксистов, но, скрывааемые за категорией «народных масс», практически растворялись в ней. В литературе же и кинематографе создавались живые характеры русских людей, рассказывалась личная история, слитая с судьбой страны. И вряд ли можно спорить с тем, что наиболее ярко, «через край и впереворот, с бесконечной чрезмерностью»¹⁷ об этом делился со своим читателем и зрителем В.М. Шукшин. Его герои были совсем не похожи на некрасовских, толстовских или тургеневских мужиков, как и не были они похожи на героев соцреализма. За его земными героями поэзии интимных будней, обыденных радостей и горестей, поэзии повседневной правды, закрепилось доискивание жизненных смыслов, подчас в частых спорах и хватании друг друга за грудки.

В.М. Шукшин мечтал свести «людей в такой ситуации, где бы они решали вопросы бытия, правды» [Там же, с. 378], словно призывал

¹⁶ Болтынский Г.М. Ленин и кино. М.; Л., 1925. С. 5, 9–10.

¹⁷ Коробов В.И. Василий Шукшин: Вещье слово. М., 2022. С. 8–9.

их: «радуйтесь, смейтесь, плачьте, люди, глядя на себя, и думайте, думайте, думайте, какие вы есть!»¹⁸. Незначащего и второстепенного для него не существовало, поэтому он и представлял житейскую «банальщину» до деталей, принимал самое живое и искреннее участие в том, о чем рассказывали ему люди. Сорастворенность, при которой другой становится тобой и мучается в тебе невысказанный, жжет тебя своей правдой, выкладывая все, как на исповеди, – вот отличительный почерк Шукшина. Действительно, тут разворачивались страсти, сродни страстям Достоевского.

Герои его рассказов-исповедей решали отнюдь не бытовые вопросы. Хотя критики, которых было предостаточно и на веку Шукшина, и после его совсем раннего ухода из жизни, и в настоящее время, считали иначе. Критика, развернувшаяся в 1960–1970-е гг. на страницах «Литературной России», «Вопросов литературы» и других журналов, относила произведения Шукшина в разряд тенденциозных, к явной и преувеличенной апологии деревни, противопоставляла «городской» прозе. Вокруг его фильмов разгорались не менее острые дебаты.

Разговор сердцем, за которым видишь человека, характер героев рассказов В.М. Шукшина вызывал самое разное понимание. Исследователи классифицировали его героев, выявляли социально-психологические типы, анализировали и делили героев на чудиков и античудиков и т.д. [3; 13].

«Воспеватель патриархального быта», в чем его часто обвиняли, даже сегодня встречает нелестные оценки. Одни считают, что он словно упивается неразумными словами и взбалмошными поступками своих «чудиков», а это «неопровержимо свидетельствует о его собственной душевной незрелости и философско-психологической близорукости»¹⁹. Другие справедливо указывают, что Шукшина неправильно воспринимать как незыблемую статичную фигуру. При этом неоднозначно и предлагаемое ими понимание Шукшина в качестве варвара, оторвавшегося от патриархального мира, но не слившегося с новым – цивилизованным миром, в котором он живет и не разделяет его ценности²⁰. Действительно, важно вдумчиво вчитываться в текст, чтобы поменьше появлялось всякого рода странных работ [8; 12].

Своим критикам Василий Макарович отвечал именно так: «Да ты почитай мои рассказы повнимательней, и увидишь, что на телеге-то

¹⁸ Пономарев И. Шукшин / публ. подгот. В. Иванченко // Сибирь. 2020. № 3. С. 57.

¹⁹ Кириллов И. Василий Шукшин: как умел, так и сказал // Литературная газета. 2019. № 30. С. 6.

²⁰ Куприянов Б. Народ, да не тот. URL: <https://gorky.media/context/narod-da-ne-tot/> (дата обращения: 02.02.2024).

у меня самый разный люд едет. Сам народ-батюшка, да! Только наде-лен он чертами моих земляков-крестьян. <...> Я могу написать об арти-сте, о космонавте, о докторе технических наук, о слугителе культа, о министре, о трактористе, об адмирале флота – о ком угодно! Но харак-теры, образы этих людей получатся у меня удачно лишь в том случае, если я, курчаво говоря, буду макать свое перо в чернильницу крестьян-ской жизни. <...> Скажу откровенно, мне не важно, от крестьянской телеги или от заводского станка шагает литератор, главное – чтобы он шагал от большой жизненной правды, понятной и нужной всем»²¹.

Притом Шукшину хотелось показать, что самое дорогое наше богат-ство – людское, состоящее в красоте чистого сердца, в котором еще не иссяк запас душевной доброты, честности, любви и жалости к людям. Хотелось, чтобы неустанный Пашкин поиск женщины-идеала был понят зрителем как желание обрести в жизни гармонию, которая может состояться, когда человечество в конце концов «покончит с обыватель-щиной, порождающей равнодушие. Ибо равнодушие – это попуститель-ство всем безобразиям, что творятся в человеческом Доме. <...> “Сам по себе” – вот где, оказывается, собака зарыта! Вот где корень зла! Именно такое вот “сами по себе” и допустили однажды к власти Гитле-ра и прочих разных фюреров, и дуче. “Сам по себе”... <...> Тут шар зем-ной висит на волоске, а он уткнулся рылом в свою “маленький лавочка” и больше знать ничего не хочет...»²².

Не это ли болото унылого равнодушия стремился осушить В.М. Шук-шин, чтобы отстоять душу живую, чтобы собрать нацию? Как-то в пере-рыве между съемками картины «Они сражались за Родину» он вместе с Бурковым поехал в гости к Михаилу Шолохову. «За столом Василий Шукшин поднял тост, прямо глядя в глаза большому писателю, поблед-нев треугольником возле рта, сказал: “Не удержали мы нацию, нам ее еще предстоит собрать”. Шолохов ответил: “за Васю Шукшина, соби-рателя земли русской”»²³. Спустя время В.Г. Распутин написал: «Что-то мы не сделали после Шукшина, что-то необходимое и важное, в чем-то, за что он бился, мы его не поддержали» [цит. по: 4, с. 14]. Устремились в совершенно иную сторону, результатом чего становится духовное истощение человека.

В мае 1974 г. В.М. Шукшин писал, как важно не терять себя челове-ком, личностью, характером. Его тревожила нравственная гибель чело-века, которая с ним происходит, когда человек «ушел от корней, ушел

²¹ Пономарев И. Шукшин / публ. подгот. В. Иванченко // Сибирь. 2020. № 3. С. 65.

²² Там же. С. 71.

²³ Бурков Г.И. Дневники. Размышления. Сюжеты / ред.-сост. Т.С. Ухарова. СПб., 2020. С. 73.

от истоков, ушел от матери... И, таким образом, уйдя – предал. Предал!» [цит. по: 4, с. 376]. Вот отсюда и смысл тех героев – «чудиков», которых создал Шукшин. Вера Василия Макаровича в человека была фактически безоговорочной, как и желание показать, что такое русский человек в Божьем замысле, в простоте сердца. В 1967 г. в статье «Нравственность есть Правда» Шукшин писал: «Правда бывает и горькой... Я верю в силы своего народа, очень люблю свою Родину – я не отчаиваюсь. <...> Нравственность есть Правда. Не просто правда, а – Правда» [цит. по: 4, с. 69]. Он был убежден, что «на свете нет двух правд, нет двух честностей, а есть только Правда и только Честность, остальное – Ложь, какими бы правдешками ее ни оправдывали и в какую бы розовую тогу ее ни наряжали...»²⁴.

Можно по-разному воспринимать, постиг Шукшин смысл русского характера или нет. Прекрасно относившиеся к нему и близкие по духу люди считали по-разному. А.А. Тарковский был не уверен, что достиг, были писатели в истории русской культуры, которые гораздо ближе подошли к этой проблеме²⁵. Писатель В.И. Белов объяснял, что «рожденному сибирской, т.е. русской, деревней, ему (В.М. Шукшину. – Ю.Л.) вовсе не требовалось изучать или постигать национальный характер», за ним громоздилась многовековая трагическая история и богатейшая культура народного творчества [2, с. 112].

Но главное зависит от личного выбора человеком и его поступка. В XX в. очень много об этом писали и говорили. Вспомним метафизику и философию поступка М.М. Бахтина – ведь это целый прорыв во внутреннее пространство человека, или творчество на экране А.А. Тарковского, раскрывающего визуально жизнь души. Ведь, чтобы вдохнуть душу в больного, нужно и самому ее иметь, а душа – дело сложное, здесь могут быть и камни, и цветы, как на русском поле. Человеку ответственному нужно решить, зачем он пришел в этот мир: ниспровергать существующий порядок или вписаться в него, соединиться в этой традиции, понять ее, улучшить ее или радикально порвать с ней. Это вопрос, который в России существует всегда. Каждый решает его для себя сам.

Решали его и герои романа М.А. Шолохова «Тихий Дон», за спиной которых стояли реальные люди, с невымышленными судьбами, в том числе жители Дона, Москвы, Петрограда, тысячи безымянных людей [7], захваченные страшной и беспощадной Гражданской войной 1918–1922 гг., в которой сын поднялся на отца, брат на брата.

²⁴ Пономарев И. Шукшин / публ. подгот. В. Иванченко // Сибирь. 2020. № 3. С. 57.

²⁵ Куприянов Б. Народ, да не тот. URL: <https://gorky.media/context/narod-da-ne-tot/> (дата обращения: 02.02.2024).

Ни один российский дом не обошла стороной братоубийственная война, исковеркав миллионы человеческих жизней. Одни лишились родины за свою любовь и преданность к ней, став врагами и изгоями, другие, оставшиеся на родине, вынуждены были забывать свои обычаи, традиции и нравы.

В канун и годы другой трагической смуты в России, пришедшейся на конец 1980-х – 1990-е гг., по-прежнему громко звучал голос тех, кто был неравнодушен к судьбе своего Отечества и народа. Как говорил В.Г. Распутин, «чтобы спекуляция называлась спекуляцией, нужно, чтобы рядом незыблемо держала за собой место праведная жизнь»²⁶. В России всегда находились люди, чуждые русскому национальному мышлению, сторонники «исправлений, выправлений и подтягиваний» традиционного уклада русской жизни. Народ наш, убеждал В.Г. Распутин, «спасался во все времена исконными путями»²⁷. «Не дряхлость нам грозит от выроста из сроков, назначаемых для пассионарной жизни наций. Это сроки исчислялись по европейским стесненным стандартам»²⁸. А большее будущее ждет Россию при условии господства интересов национальной власти и знаменитой триады «Вера, Власть, Народ», аккумулировавшей в себе потенциал известного концепта XIX в. в виде «православие – самодержавие – народность».

Обращение к внутреннему миру человека в моменты его противостояния угрозам извне, будь то глобальные проблемы мировой цивилизации или неприятие собственного политического режима, все более активно вело к переоценке опыта советской истории, особенно в контексте ее связи с предшествующим многовековым отечественным опытом. Национальное самосознание, в каких бы формах оно ни существовало в советское время, все более настойчиво подводило нашу творческую художественную, гуманитарную и даже отчасти и научную интеллигенцию к выводу о том, что самопознание осуществимо только на пути к богопознанию. Этот вывод противостоял опыту шестидесятников (о возвращении к ленинским истокам), в нем заключался и главный итог размышлений о судьбе России в XX в., что без опоры на человеческую личность, без расширения ее внутреннего пространства, внутреннего потенциала никакого позитивного движения или прорыва в будущее не будет. Модернизация, таким образом, должна быть нацелена

²⁶ Распутин В.Г. Видимое и невидимое (Два слова в пользу надежды) // Наш современник. 2000. № 2. С. 187.

²⁷ Там же.

²⁸ Распутин В.Г. Видимое и невидимое (Два слова в пользу надежды) // Наш современник. 2000. № 2. С. 189.

не только и не столько на освоение новых технологий и их применение, сколько на раскрытие внутреннего богатства человека, его таланта, красоты и веры, чтобы он мог повторить: «Но не предали мы ни земных, ни небесных крепостей, на которых стоит Россия, ни святынь наших, ни души, ни оружия, ни товарищей...»²⁹.

Библиографический список / References

1. Ананченко А.Б. К вопросу об историческом месте советского общества // Гротовские чтения – 2020. Материалы Всероссийской научной конференции / гл. ред. Н.М. Малкова. Самара, 2021. С. 167–177. [Ananchenko A.B. On the question of the historical place of Soviet society. *Grotovskie chteniya – 2020. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii*. N.M. Malkova (ed.). Samara, 2021. Pp. 167–177. (In Rus.)]
2. Апухтина В.А. Проза Василия Шукшина. [Apukhtina V.A. Proza Vasiliya Shukshina [Prose by Vasily Shukshin]. Moscow, 1986.]
3. Большунова И.И. Герои рассказов Шукшина: исследования, типология, сравнительный анализ // Филология. 2021. № 1. С. 35–38. [Bolshunova I.I. Heroes of Shukshin's stories: Research, typology, comparative analysis. *Filologiya*. 2021. No. 1. Pp. 35–38. (In Rus.)]
4. Коробов В.И. Василий Шукшин: Вещее слово. М., 2022. [Korobov V.I. Vasilij Shukshin: Veshhee slovo [Vasily Shukshin: Prophetic word]. Moscow, 2022.]
5. Лубков А.В. Личность. Время. Образование. Статьи и выступления. М., 2017. [Lubkov A.V. Lichnost. Vremya. Obrazovanie. Stati i vystupleniya [Personality. Time. Education. Articles and speeches]. Moscow, 2017.]
6. Лубков А.В. Русская идея в XX в. // Забелинские чтения. 2005, 11 марта – 13 апреля 2005 г. Российские точки опоры: исторический и прогностический анализ / науч. ред. С.П. Пимчев. М., 2006. С. 29–30. [Lubkov A.V. The Russian idea in the twentieth century. *Zabelinskie chteniya. 2005, 11 marta – 13 aprelya 2005. Rossijskie tochki opory: istoricheskij i prognosticheskij analiz*. S.P. Pimchev (ed.). Moscow, 2006. Pp. 29–30. (In Rus.)]
7. Маноцков Г.И. Реальные герои романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» в годы Первой мировой войны. Волгоград, 2008. [Manoczkov G.I. Realnye geroi romana M.A. Sholokhova «Tixij Don» v gody Pervoj mirovoj vojny [The real heroes of M.A. Sholokhov's novel "The Quiet Don" during the First World War]. Volgograd, 2008.]
8. Москвочкина Е.А. Русский человек на rendez-vous: конфликт мужского и женского в рассказах В.М. Шукшина // Филология и человек. 2017. № 3. С. 41–53. [Moskovkina E.A. The Russian man on rendez-vous: The conflict of male and female in the stories of V.M. Shukshin. *Filologiya i chelovek*. 2017. No. 3. Pp. 41–53. (In Rus.)]

²⁹ Распутин В.Г. Видимое и невидимое (Два слова в пользу надежды) // Наш современник. 2000. № 2. С. 187.

9. Нехода Е.В. Теория модернизации и догоняющего развития: возможности для России // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 304. С. 167–169. [Nekhoda E.V. Theory of modernization and catch-up development: Opportunities for Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2007. No 304. Pp. 167–169. (In Rus.)]
10. Салынский Д.А. Киногерменевтика Тарковского. М., 2009. [Salinsky D.A. *Kinogermenevтика Tarkovskogo* [Tarkovsky's kinogermeneutics]. Moscow, 2009.]
11. Смирницкий А.Е. Актуальные проблемы развития советской исторической науки. М., 2022. [Smirnitsky A.E. *Aktualnye problemy razvitiya sovetsoj istoricheskoi nauki* [Actual problems of the development of Soviet historical science]. Moscow, 2022.]
12. Шубин Р.В. Худые и толстые, голодные и прожорливые: природа конфликта в прозе Василия Шукшина (к образам еды, мотиву желудка и ситуации праздника) // Филология и человек. 2017. № 4. С. 52–67. [Shubin R.V. Thin and fat, hungry and voracious: The nature of conflict in Vasily Shukhin's prose (to images of food, the motif of the stomach and the situation of the holiday). *Filologiya i chelovek*. 2017. No. 4. Pp. 52–67. (In Rus.)]
13. VI Селезневские чтения. Актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории. Краснодар, 2020. [VI Seleznevskie chteniya. *Aktualnye problemy zhurnalistiki, kritiki, literaturovedeniya, istorii* [VI Seleznev readings. Current problems of journalism, criticism, literary criticism, history]. Krasnodar, 2020.]

Статья поступила в редакцию 19.02.2024, принята к публикации 14.03.2024
The article was received on 19.02.2024, accepted for publication 14.03.2024

Сведения об авторе / About the author

Лубков Алексей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, академик Российской академии образования; ректор, Московский педагогический государственный университет

Alexey V. Lubkov – Dr. Hab. (History), Academician of the Russian Academy of Education; Rector, Moscow Pedagogical State University

E-mail: av.lubkov@mpgu.su